

18+

Леонид Вариченко

С ЦАРЁМ В ГОЛОВЕ

Мастерская современного каприза

Леонид Вариченко
С царём в голове. Мастерская
современного каприза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57488468

ISBN 9785005140302

Аннотация

Лучше, конечно, без Царя в голове, но если с Царём, то уж по большому счёту: роман в стихах «АЛЕКСАНДРОВНА», поэма «ИНКВИЗИТОР», драматический фарс «ПЬЕСА ПРИНЦА», поэзия разных и последних лет...

Содержание

ОТ АВТОРА	5
***	9
1. «АЛЕКСАНДРОВНА»	12
Часть первая «АННА И МАРТЫН»	13
Часть вторая «АННА И АЛЕКСАНДР»	33
Часть третья «МАРИЯ»	55
ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ СУДЕБ	76
2. «ИЗ КНЯЗИ, ДА ПОД БОЖЬИ ГЛАЗИ»	77
ПОЭЗИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ	77
Конец ознакомительного фрагмента.	100

**С царём в голове
Мастерская
современного каприза**

Леонид Вариченко

© Леонид Вариченко, 2020

ISBN 978-5-0051-4030-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Здравствуйте! Будьте в книге, как дома, и книга позволит Вам прожить в ней до последнего внятного слова.

Классический каприз – всегда современен, поэтому современный каприз – классичен!

«Мастерская Современного Каприза» – «МАСК-ВАЛЕТ»!

Театр Леонида Вариченко – сценичен и стихотворен.

Страницы – кулисы. Слова – актёры. Стихотворные размеры – костюмы. Окружающий мир – сюжет пьесы. «МАСК-ВАЛЕТ» – литературный театр! Стихотворные капризы – это всё, что пока не стало достижениями «Мастерской Сценичного Каприза». Каждая книга – спектакль!

А в данном случае дело обстоит немного по-другому.

Роман в стихах «Александровна» уже исполнялся как моноспектакль. Видеоленка по неосторожности снимавшего утрачена. Осталось всего несколько репетиционных снимков. А со дня первого издания книги прошло пятьдесят лет.

Во второй части поэтического сборника несколько мини-атюр о власти вообще, о лидерах духовных и земных, об Императорах и Принцах, о Князьях и Царях впервые соединены в единую композицию «Из Князи, до под Божьи глаза».

В 2012 году первый вариант сборника как CD-книга был выпущен Издательским домом «Бал-Диапазон», и лишь

в этом сезоне дополненная книга приходит к вам в живом бумажном виде, в неё включена поэма «Инквизитор» – переложенная на стихи легенда из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» о «втором пришествии» и стихотворения последних лет – «Страх привычки, смена тем, всё, как снова – раз за разом!»

B.O.I.

«С ЦАРЁМ ЛИ В ГОЛОВЕ?» Рис. 2001 г.

ПОСВЯЩЕНИЕ

*«Откуда сюда человеку приходится?
Уходится, право, куда?
Он волен искать, он и ищет, находится.
Вдруг правду объявит? Когда?»*

Леон Де Во. «Из В. Вульф»

*Светлой памяти моей бабушки,
Марии Стружкиной – ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Долгое время об этом нельзя было говорить. За это могли арестовать, сослать, а то и просто стереть с лица земли. Мария – сначала она боялась за себя, потом за дочь, позже за внука. Но перед смертью, всё же поделилась всем, что знала, с внуком, заставив поклясться, что он никому не проговорится.

А он и не проговорился.

Просто изменились времена, другими стали люди, другой стала страна, вернулись прежние ценности.

Роман «Александровна» – это произведение совести, стихи любви, семейный долг художника человеку, учившему его

видеть мир – его бабушке, внебрачной дочери Царя Александра III.

Поэтическая семейная хроника – давний жанр российской поэзии. Леонид Вариченко решил возродить его в XXI веке, тем более, что судьба его семьи теснейшими нитями переплетена с биографиями августейшей императорской фамилии. Кровные связи русских Императоров с боярскими и дворянскими родами хорошо известны историкам, а вот сплетение кроны родословного древа со стволом и корнями подданных Российской Империи почти неизвестно. В строгой стилистике и поэтике известного пушкинского романа в стихах Вариченко воссоздаёт историю своей семьи и своего рода. Мы как-то совсем забыли, что Императоры – тоже люди, обычные граждане Российской Империи, а люди нетитулованные сплошь и рядом сплетались своими судьбами с императорской семьёй.

Гибель «Освободителя» – Александра II от бомбы террориста, в конечном итоге стала гибелью всей России и миллионов её граждан.

Так семейная хроника становится историей, а история перерастает в семейное предание. Мы живём в эпоху восстановления утраченных корней и связей. Надо вспомнить всё, что возможно и восстановить всё, что ещё не полностью

утрачено. Историко-поэтический труд Леонида Вариченко представляет двойную ценность, как историческая семейная хроника и как лирическая исповедь интеллигента начала XXI века, впервые решившегося поведать в пушкинском стиле о своей «прошлой жизни» в позапрошлом столетии.

Пусть хотя бы в слове вернётся всё, что может вернуться.

Константин Кедров

поэт, доктор философских наук

1. «АЛЕКСАНДРОВНА»

роман в стихах

биография на правах легенды,
в 3 частях, 30 карантах*, 240 сэнках*.

Часть первая «АННА И МАРТЫН»

1. (Воцарение)

Да, в восемьдесят первом час пробил:
Морозы отступили без апломба,
Угрозы не рассеяв над Европой,
И Гриневицкий разразился бомбой —
«Освободителя» – таки-убил.

И в тот же самый незабвенный день,
Второго марта – экая досада —
Пройдя иной походкою по саду,
Всевоцарился Третий Александр,
Небрежно на Россию сбросив тень.

За гробом, прежде нового царя —
Вдова, Княгиня Юрьевская. Боже,
Ее звезда теперь зашла. И что же,
Распоряженье было – не тревожить,
Поздней – не вспоминать, в душе коря.

Сам Александр давно уже женат.
Жена – принцесса Дании суровой —
Мила, миниатюрна, образцова.

Был с нею, что ни для кого не ново,
Сговорен Николай, умерший брат.

* Карант – одна глава романа, состоящая из сорока строк (quarante – сорок, *фр.*), или восьми пятистиший – сэнков (cinq – пять, *фр.*)

Итак: в семье любовь, любви той плод
В честь дяди назван тоже Николаем.
Трон – данность, хоть и не вполне желаем.
Страна – в либерализме, как мы знаем,
Как в чем-то жидком, в пищу не идет.

О фрейлине Мещерской память прочь
Давно прогнало осознание долга.
Победоносцев ловит взглядом колким,
И растолочь, по-видимому, толки
О Конституции придется смочь.

Из многочисленных убийц отца,
Кого смогли, повесили уроком.
Анархия, как ни зови пороком —
Заразная болезнь. От Воли прока
Не много оказалось без свинца.

И время не стоит: и самолет
С Можайским прилетел, и генерала —

Героя Плевны спяну вдруг не стало.
Смотря на все, пусть иногда устало,
Наш Царь был тверд и не спешил вперед.

2. (Дочь купца)

Купечества с искусством брак хорош,
Но для кого, пока что не решили.
Дозволенного рамки стали шире.
В Москве и Музы с властью задружили —
Открыл свой «Русский Драмтеатр» Корш.

Купец Фатеев ложу прикупил.
К открытию «Снегурочку» давали.
И хуже Римский-Корсаков едва ли,
Чем Глинка, да еще с Островским в паре.
Партер, как и галерка, полон был.

Уже и лету близился конец,
Фактически – открытие сезона.
В семнадцать лет и под венец резонно,
Уже пора. Какие тут фасоны!
И дочку в ложу усадил отец.

И возражений не было почти
У Анны по отчеству Петровны.

Что шутовство, что кушать макароны...
Приехала и села у колонны.
Отца не любишь, так насильно чтя.

И началось, и хор себе вопит —
Сам не уснет и многих в зале будит,
И скрипки вряд ли кто-нибудь осудит,
Да и Островский, по либретто судя,
Довольно-таки непростой пиит.

Но лучший – Лель! Премного поразил,
Вернее что, конечно, поразила,
Поскольку женщина. И ариозо мило,
И видом не противна, не претила.
И досмотреть у Ани стало сил.

Впервые поглазеть на суету
Московских пустыков не возбранилось.
Потом не раз «Снегурочка» приснилась.
С затворничеством Анечка простилась,
Впервые вкус шампанского во рту.

И в довершенье выкинул отец
Один из номеров. Явился в ложу,
Купец-предприниматель, видно, тоже —
И двадцать пять, и не женат похоже —

Из Стружкиных, Мартын, ей-ей, хитрец.

3. (Аптекарь)

Владеть наследством начал он давно,
У Стружкиных мужчины жили мало.
Отца уж в семьдесят втором не стало,
До сорока немного не достало.
Глядь, и Мартын Миронычу вольно.

Но не творил сынок большого зла.
Строга маманя, Лидия Иванна,
Блюла хозяйство, как это ни странно,
Ложилась поздно и ставала рано,
И гордо честь вдовы купца несла.

В Борисовом фамильный дом стоял:
Конюшни – блажь покойного Мирона,
Поля, луга и псовые загоны.
Хозяйство и по тем годам огромно,
И челяди-прислуги счет не мал.

Хозяйка Лида успевала все:
Свое в порядке строгости хранила,
И к сестрам заезжала, не забыла,
Что неспособны править, хоть и милы.

А их Орехово доход несет.

Стоит в соседстве, не тяжелый крюк,
И все одно – завещано Мартыну.
Так что, как праздник, сластей на полтину,
В охапку нежелающего сына
И к теткам с пряниками, и не вдруг.

Однажды прихватило сердце враз.
На вид-то здорова была купчиха,
Но тут слегла. Мартын нежданно лихо
И лекаря сыскал в момент и тихо,
И научать себя не дал. Мать спас.

Потом и интерес завел себе
Таблетками да порошками боле,
С людьми связался, что уколы колят,
Клизм, ядов накупил, английской соли
И развернул «Аптеку» на Трубе.

С Фатеевым поставки завязал,
Открыл вторую на Таганке кряду...
Тут в опере Анюта, глаз отрада.
Мартын запал, женился – семьи рады —
Дегунино за ней в приданом взял.

4. (Порок)

Царь Александр трудился в меру сил:
Министров проверял – пусть не жируют,
А то свернет реформ – одну-другую,
Бомбистов припугнет и... затоскует.
Тогда и отдыхал, и водку пил.

Малютка Минни, как жену он звал,
Была строга и пьянство запрещала,
Сперва терпела и увещевала,
Позднее и решимость проявляла.
Но все ж он был любим и это знал.

Черевин Петр, вдруг вызванный с утра,
Как друг и адъютант, и вождь охраны,
День узнавал по толщине стакана
И фразе самодержца-великана
О том, что «голь на выдумки хитра».

И флягу доставал из сапога,
И обеспечивал отъезд внезапный
На ближний финский их северо-запад —
Туда, где уж царица точно сцапать
Дурную руку пьяниц не могла.

Конечно, поведение не в пример
Такое ставить ни державным детям,
Ни тем, кто за историю в ответе.
Но сей порок, чем длительней на свете,
Тем неискоренней прочих вер.

Текли беседы без «мерси-пардон»,
Душа свои вытаптывала тропы,
Ловилась рыба и ждала Европа —
День проходил, другой... Был отдых допит,
И Царь с улыбкой возвращался в дом.

При всем при этом юный Николай,
И слабый, и ранимый с виду мальчик,
Воспитывался в строгости, тем паче,
Что обожал отца он и иначе,
Как «батюшка», не звал. У Бога, знай —

Свои границы для порока есть,
И перегары «бурого медведя»
Жена прощала с чопорностью леди.
И добр отец, и благоверны дети,
И трон их свят, как место, где присесть.

5. (Тезка)

К тому союз развитие имел
Фатеевой Анюты и Мартына.
Любовь ли, время ли всему причиной,
Но изменилась бытности картина —
В семье родился сын и здоровел.

Сперва должна была родиться дочь,
Но что-то, несомненно, помешало...
Досадовали, но не задержало
С попыткой новой горе. Дорожала
«Аптека» Стружкина, и слезы прочь.

И вот – награда, парень! Как назвать?
Откуда быть сомнению? Это что же,
Не помним, кто России всех дороже?
Единственно – наследник, правый Боже!
Державен будет тезка, так сказать.

И новый Николай взглянул на мир,
И рот открыл, и засучил ногами.
Такое повторяется веками,
И понимаем мы в словах и в камне,
Что этим-то нам вечный мир и мил.

Светилась Анна. Слезы позади,
Она уже согласна и на Нюру,

Как муж ее прозвал однажды сдуру.
Вновь обрела молодая мать фигуру
И веру в то, что впредь должно везти.

Мартын Мироныч же, микстур гигант,
Москву уже опутал фарма-сетью,
Имел теперь наследника и метил
В старшины гильдии. Попутный ветер
Тому не дует, кто есть дилетант.

Но Стружкин благодарен был судьбе.
Он дорожил болезнями народа.
Все ладно, сыну, глянь, четыре года.
И вот, уж точно: ни война, ни мода —
Случись на всю империю «ЧП».

Крах! Царский скорый поезд поутру
В каких-то Борках перевернут. Драма!
Все, слава Богу, живы! Свечи в Храмах.
Тут с нарочным в Таганку телеграмма,
И вызван Стружкин в Питер ко двору.

6. (После крушения)

Все обошлось, и Царь с Царицей цел,
И дети все здоровы, и особо

Наследного Царевича особа.
И двор по насыпям и шпалам собран.
Министр путей прилично в лужу сел.

Когда Сан Саныч крышу головой
Держал вагона, где с семьей обедал,
О героизме он своем не ведал,
Лишь размышлял, намного ль вспухнут беды
Случайностей испорченной молвой.

Конечно, и комиссии отчет,
И милованье стрелочников битых,
И мудрые соображенья Витте,
И сопереживанье пестрой свиты —
Все чередом своим перетечет.

И преданный с рожденья личный врач
Поможет всем и словом, и слезами.
И все же Царь нахмурится усами,
Что пластыря не хватит, как сказали,
На ягодицу сыну... «Где палач?!»

Уже проехав Харьков, Государь
Спросил, как бы случайно, багровея:
«В столице две «Аптеки»? У еврея
И немца древнего? Теперь радею

За русских лекарей опять, как встарь!»

Желанье влет, опережая пыл
И поезда, и слов, и даже мысли!
Телеграфисты на ключах повисли.
Микстуры Шульца в тот же миг прокисли,
А Лившиц сам себя же погромил.

Лишь пара дней прошла, уже доклад:
«В Санкт-Петербурге, вызову согласно...
Да, в номерах поселен высшим классом...
Да, знает, что к нему вопросов масса...
Предприниматель встречи ждет и рад».

И был Мартын готов идти к Царю.
Он на земле стоял двумя ногами.
И были уж изучены все грани,
И расширяться мог. Не напугали:
«Извольте же, Вас ждут». «Благодарю».

7. (Время орла)

Сиял над миром и интриг не плел,
Поглядывая зорко на Европу,
И в Азию внимая без торопы,
Не забывая северные тропы,

О двух главах блистающий орел.

И Францию лукаво привечал,
И Пруссию не забывал, ругая,
Поглаживая Индию с Китаем,
Чтоб регулярно в Англии икали,
И в даль Востока выдвигал причал.

Любой второстепенный либерал
Готов ругать орла за повороты,
За высоту и чопорность полета —
За тем и в либералы лезет кто-то,
Чтобы не замечать, порой, добра.

Простым же людям в эти годы был
Царь-Миротворец и отцом серьезным,
И рыцарем души славянской грозным,
И даже двигателем паровозным —
И свят, и чтим, и симпатично мил.

Империя могла повиснуть вдруг
И, в чьи неясно руки, обвалиться,
Когда бы угораздило разбиться
Всех вместе, скопом, царственные лица.
Был потому неизмерим испуг.

И более неизмерим восторг,
Последовавший следом за спасеньем.
И фейерверк отметил воскресенье,
И «Люли-люли» – «Сени, мои сени»»
Сменяли у того, кто еще мог.

Все радовались: дети, старики,
И пожилые, как и молодые,
Вельможные, служилые, простые,
Гуляки праздные, шпыни пустые,
Писаки, что ни утра без строки...

Короче, с виду, счастьем в каждый дом
Отмечен год был «Восемьдесят Восемь».
Октябрь чудной, и золотая осень,
И через одного со свечкой просят:
«И трон храни, и помни нас при том!»

8. (Домострой)

В дому у Анны свой черед кипел.
Муж, вот те раз, замечен Государем,
При том, конечно, что он не бездарен,
И носится, как молодец, в ударе —
И видом красен, и стараньем бел.

Жена ж – в хозяйстве, более нигде.
Коммерция – не пустяки в концерте,
Другие и задачи, и акценты.
Хозяин дела, несомненно, в центре
И знает, места нет в тылу беде.

Но начал я неправильно главу,
Определивши место «домом Анны».
Конечно, Стружкины не очень чванны,
Но был «порядок Лидии Ивановны»,
Как «Домострой», незыблем на плаву.

Из подмосковных нескольких семей,
Что врезались в Таганскую фактуру,
Была вдова заметною фигурой.
Она в своем доме терпела Ньюру,
Хотя и часто улыбалась ей.

В Борисове все больше жить снохе
Она единолично отводила.
И Николашу Анечка растила...
От теток из Орехова не мило
Все чаще было. Дух ее плохел.

Ну, а супруг, бывало, спросит мать:
«Как там мои?» Она ему: «Прекрасно!»

И он довольный снова – в поезд красный,
За делом ли, без дела, всякий-разный
Предлог найдя, на всех хотел чихать.

И Лидии Ивановне не знать,
А более не видеть, было б странно,
Что ляжет криво, после встанет бранно.
Полеты в «империях», столь желанных,
Забрали, и Мартын стал попивать.

Объединить бы женских сил резон...
Но ведь – мужик! Купец! Хозяин дерзкий!
И тут при всем еще Царя поддержка.
Смутила Лидия с улыбкой детской
Семейную гармонию, как сон.

9. (Япония. 1891 г.)

Катило время свой имперский круг.
Занятий Цесаревича пределы
Отец, порой, передвигал умело.
Чтоб «не хлыщил по улицам без дела»,
Отправить решено в круиз. Не вдруг —

Маршруты отрабатывались год.
Посмотрит мир, обогатиться знаний,

Мать поддержала ценным указанием,
От Князя Алексея внял к дерзаньям
Притонов. И турист, и мореход.

Вояж был начат: Николай и брат,
И греческий наследник – Принц Георгий.
Внимали берегам, чинили торги,
Благополучно избегали оргий —
Зван «Памятью Азова» их фрегат.

Вена, Триест, Афины, Порт-Саид,
Канал Суэцкий, Исмаил, Египет,
Аден, Бомбей, в Цейлоне чай весь выпит,
Брат заболел, туберкулез – не триппер,
Но возвращение отец велит.

А Ники и Георг Афинский с Яв
До Сингапура, на Сиам Тайланда,
В Сайгон, Гонконг, Шанхай, сказать вам надо,
И вот, уж Нагасаки, Храм Микадо —
При Солнце Восходящем в свете слав.

Рейд по стране: Киото и Оцу,
С обеда губернатора на рикше...
Конец апреля, день не стал чуть лишним
В календаре Романовых! Допишем

Со слов наследника в письме отцу:

«Мы ехали, вдруг вижу, полисмен,
японский меч держа двумя руками,
ко мне несется дикими прыжками
и бьет по голове. В шумах и гаме
лишь Жорж явить реакцию успел.

Отбил, настиг, скрутил и взял на крик,
и сдал властям. И все негодовали.
В уме был нападающий едва ли.
Целуй мама». Вояж сейчас прервали.
Сибирь мелькнула за окном, как миг.

10. (Мазь)

Итак, везенье – православный грек,
Принц крови в заварушке этой бранной
Был расторопнее любой охраны.
Наследник цел. След на челе – не рана,
Но шишка на его недолгий век.

Конечно, неприятный инцидент...
Но Александр не мог тогда предвидеть,
Как Цесаревич в извращенном виде
Решит войной Японию обидеть

В ответ, и где ума в том хоть процент.

Был Миротворец мудр, и наказать
Он не спешил налево и направо,
Реакция не прибавляет славы.
Все позади и, слава Богу, здравы
Из испытанья вышли все опять.

И шишку пробовали излечить:
Мочили и сушили, и кололи,
Меды прикладывали после соли,
И дули, и плевали, но – ни боли,
Ни радости. Понурились врачи.

Тут вспомнил Царь: «А где же наш Мартын?»
И Стружкин из Москвы с утра, как новый,
К вопросам резкой сложности готовый —
Болезневед, сам в принципе здоровый —
Явился, Государя верный сын.

«Да слышал... Рад служить! Уже пора?
От шелушенья, роста и от зуда
Индийская есть мазь – сплошное чудо.
Флакон с собой!.. И регулярно буду».
И вот уж, Стружкин – поставщик двора.

И главное, что шишка не росла.
Мироныч оказался на приеме
Среди других. Спеша, без экономий
Супруге сшили платье. Сам-то в хrome!
Ну, в общем, мазь им зла не принесла...

(И что есть зло, желаньем не горю
Я разбирать: погода ль, провиденье,
Или пороки человека тенью,
Терпенье ль, долг, стремленье, иль хотенье.)
...И Аннушка представлена Царю.

Часть вторая «АННА И АЛЕКСАНДР»

11. (Сходство)

Прием был долгий. Царь прошел весь круг.
Степенный и значительный правитель
Сперва остановился возле Витте,
Потом у дядей, лентами увитых,
К посланникам приблизился, как друг.

Аудиенции уже в конце
Внезапно задержался с офицером
Знакомым, уточнить диету, в целом
Приемлемую для него, с прицелом,
Чтоб похудеть и в теле, и в лице.

Тут и возник Черевин рядом с ним.
Царь темы поменять умел блестяще,
От Бога император настоящий.
«Жена Мартына, Петр, к досаде вящей,
Похожа, или это нам одним?..»

Продолжил генерал охраны, друг:
«Похожа, на Мещерскую Марию,

как два глотка перцовки. Говорили,
она теперь в Париже или в Риме...»
«И тот же взгляд, и та же тонкость рук...»

Действительно, фатеевская дочь
Так фрейлину лицом напоминала,
Что уж боялись старики скандала.
Конечно, шепот не пошел по залу,
Но были, кто пустить его не прочь.

Наш Государь был вдумчив и велик,
Воспитывал он в строгости порывы.
Не молоды уже и не игривы,
Дороже Минни, чем любые дивы.
Но как же юн ее-то милый лик!

«Пускай идет все так, как и идет,
Иначе нам спокойствия не хватит.
Мы отошлем ей пряник в шоколаде.
И Рождество так нынче вышло кстати...»
А девяносто был второй уж год.

Любви не пожелай и для врага,
Коль прошлую она разбередила,
И, в сущности – к другой. Ты знал – остыла,
Но вдруг – жива! И мило, и уныло.

«Достань-ка, Петр, флакон из сапога!..»

12. (Ярмарка)

В Москву вернулась Стружкиных чета,
И обсуждалась пестрота событий
С угла, что был доступен «Маме Лиде»,
Когда Мартын очнулся от подпитий —
Купец двора, ожившая мечта.

«К июню надо морду расшибить,
Но Ярмарку на Балчуге осилить,
Поднять на это гильдию и с ними,
Как, в общем, раньше взяться и грозили.
Ты, мать, пупок не треснет, не шипи!

И там большой барак, тьфу, павильон
Новейшей фармацевтики – «Аптека» —
Мозаика из достижений века,
Способных к врачеванию человека,
Плюс: клизмы, валенки, одеколон.

Гостей повыпишем из-за границ,
Ряды продуктов, ткацкие причуды,
И мебель там, и скобяные груды...
И пригласим Царя! Молчать, зануды!»

И снова выпил, повалившись ниц.

Смогла тут сына Анна покормить.
Очнулся муж, и мысль свою продолжил,
Что: «Вот с такою, Нюра, постной рожей
Пред Государем столбенеть не гоже!
Не улыбнешься, запрещу кормить!»

Полгода в дым, и Ярмарка стоит,
От хомутов до сушек и шурупов
Организаторы – прозрачней трупов —
Мартын и Усачев, и Прошка Дубов.
И скорлупа, и ядра под визит.

Царь прибыл к лотерее, третий день
Билеты продавать сидела Анна,
И сразу к ней, Мартыну и не странно,
С женою и детьми, стать великана,
Глаза ж мальчишки, как через плетень.

Купил билет и улыбнулся так,
Что Анечке в коленках слабо стало.
«Добром воздастся за добро», – сказала,
Она ж про Машу ничего не знала.
«С билета приз – тебе». «Ой-ой!» «Я – маг!»

13. (Приз)

В другое лето весь торговый «бум»
В Екатеринодар решили бросить,
И Дубову подряд. «Прокопий, просим!
Нам лишь проценты отсчитаешь в осень».
Кубань выиграла родиною рун.

А Николай, наследник дел, хвостом —
Уж десять лет, с толковостью хорошей —
Был послан поучиться с дядей Прошей.
Ему играть в «магазин» – не ноша,
И нюриной сестры в станице дом.
Конечно, не хотели отпускать,
Потом, конечно, долго провожали:
И тискали, и чмокали, и жали,
И долго за подводами бежали.
И ладошки бы, вроде, так сказать.

Да, подоспело время разобрать
И мысли, и эмоции Аняте:
Она еще и не на перепутье,
Но на глазах уже – любезны будьте
По правилам общественным играть.

Снегурочка! К весне ль пробить грозе?

Но Стружкин – не Мизгирь, увы, и хуже,
Что и Державный Муж – не Лель, он туже.
По берендеевски – до первой лужи —
Примчался приз – кокошник в бирюзе.

Родня съезжается попить кофей,
По-модному, для непонятной цели,
И денег подзанять есть на прицеле...
К комоду сразу, даже не присели —
На видном месте ярмарки трофей.

«Примерь, Анюта!» завистливый пыл
Всех обуюл, до глубины добрался.
Мартын гордился, пыжился, набрался,
В осадок отошел, потом проспался
И первый раз супружницу побил.

А Лидия Иванна тут, как тут,
Но заступилась, видано ли дело.
Она уже порядком постарела
И поняла, что и недоглядела,
И поднапортила. Жизнь – долгий труд.

14. (Житье)

Вини вину! Невинность вне суда.

Отъехали в Орехово старухи,
Отплакалось под шепоты на кухне,
Синяк разгладится, фонарь потухнет,
Обида ж не простится никогда.

И каждому теперь уже свое.
Семья ли? Дом ли? Каста ли? Очаг ли?
И узы, как обузы, быстро чахли
И стали окончательной молчанкой.
Не жизнь – существование, житье.

Не мог себя переломить купец
И, может быть, свалиться на колени,
И попросить о долгожданном плене.
Все заливал от глупости и лени,
И набекрень съезжал его венец.

И лезть с советом уж боялась мать.
Обоих жаль – и сына, и невестку.
Но жаль их по отдельности, не вместе.
И все вошло в привычку в этом месте.
Вот, кабы ни менять, ни понимать.

Украдкой доставая бирюзу,
Анюта предавалась размышленьям,
Как тот несостоявшийся мошенник,

Что дом покинуть просит разрешенья
И честен тем. Но чешется в носу.

У каждой девы есть свой принц из грез,
И в каждой женщине живет пиратка,
На волю пробирается украдкой,
Сквозь оскорбленья, ревности рогатки
И унижения, и реки слез.

Она уж слышала, что Царь хворал,
Но не писать же дурочкою в Питер.
А памятный мужчина, как хотите,
И говорят, что не ходок по свите,
Чем батюшка покойный баловал.

Неужто, жизнь так тихо и пройдет,
И минет век, рассеив сонм иллюзий,
И душу чем-то теплым не нагрузит,
И в облаке, как в белой длинной блузе,
Придется допевать ей хоровод?

15. (Бублик)

И девяносто шел четвертый год,
И то был май, и третья уж декада.
Здоровья улучшение, как награда.

Конечно же, еще не до парада,
Но от недуга меньше вдруг забот.

Как в феврале, когда рожденья день
Сумели провести сорок девятый,
И даже бал был. Фотоаппараты
Сверкали часто, но и аккуратно,
Чтоб пневмонии не тревожить тень.

Потом опять от боли он тупел.
На Аничков дворец России взоры
Обращены были. Ни заговоры,
Ни злой режим, и ни пилюлей горы
Не помогали. Даже похудел.

И тут внезапно после Пасхи вздох,
И месяц без отмены церемоний.
На вид совсем, ну, как тогда в вагоне,
И те из докторов теперь в загоне,
Что позволяли говорить, что плох.

Дров поколол, порядок, окрылен,
Как малый – из постели и на уши.
Марию Федоровну не послушал
И сапоги наквасил, что потуже.
На Ярмарку! И бублик-то – рулем!

Москва в Сокольниках – стоит народ.
За управил команда Усачева.
Расчистили землянки и трущобы,
В запарке счастливы и где плечо бы:...
Мартын гулял и был в делах не в счет.

На лотерею Анну взяли вновь,
Все помнили успех, и ей приятно.
Тут – Александр! Лишь на два дня, понятно,
Лишь повидаться и потом обратно.
Черевин, знай, свидание готовь!

Никто и не заметил этот час,
И Ярмарка кипела и шумела.
Да разве долго ли, когда умело!..
А было ли? А может, лишь хотела?
Ни нам у них спросить, ни им у нас.

16. («Исповедую...»)

Лейб-медики решили – в Беловеж.
Сентябрь: и чистый воздух, и охота.
Но сон пропал, теперь еще забота,
И нет охоты, мерзкая погода,
Тоска и смена вымокших одежд.

Дорога, в Спале легче, взял ружье,
Подумалось уже не о здоровье.
«Петр, скоро ведь умру, я приготовил
Там сумму... не сочти...» Черевин бровью
Ответил – будто сделано уже.

И вот, он снова в строгости диет,
И все, чем ни попотчуют, противно,
И слаб вдруг стал ходить, так прихватило.
На юг решили, грустная картина,
И от недугов уж просвета нет.

Ливадия. А пульс не ниже ста,
Опухли ноги, и в груди давленье,
Бессонны ночи, дни же в сонной лени —
Второй этаж – теперь в кроватном плене,
Мощь высохла, и весь – белей листа.

Императрица ясно поняла,
Что раньше мужа умереть не сможет,
Профессор Лейден со шпионской рожей,
Агент Вильгельма, телеграф тревожит,
И Цесаревич уж ведет дела.

И мучает отек, и кожный зуд,

Но он в уме, и под контролем мысли.
Невесту сына вызвали, Алису —
Десятое, октябрь, с дороги, быстро
Успеть благословить и скинуть спуд.

Двадцатого уже всю ночь не спал,
Пытался закурить, бросал, ломая,
Попил с женою кофе, понимая,
Что все... Чшь!... «Исповедую...» читает,
И голос вдруг торжественнее стал.

Обняв руками крепко, как могла,
Царица ощущала, пульса нету...
И это ей конец земного света!
Учиться жить без Саши? Безответно?
Так надо! Сын взошел! Рассейся мгла...

17. (Маруся)

Маруся родилась в февральский день,
Да в среду, на Никифора Святого.
К рожденью в доме было все готово,
Но не хватило самого простого —
Здоровья Анне вытерпеть предел.

К Мартыну было страшно подойти:

То радовался он, а то вдруг в слезы,
То тихим был, то расточал угрозы,
То голым пробегался по морозу —
В горячку все грозило перейти.

Потом-то он, конечно, подсчитал,
Когда стал трезв до марта, на неделю,
Все вспомнил, даже высох в теле...
Но девочку они давно хотели,
И отчество Мартыновне он дал.

А Лидия Ивановна – кремень,
С теченьем неизбежных ритуалов
Спокойнее и сдержаннее стала,
Спала, пила и ела очень мало,
И в церковь успевала каждый день.

С крещением отдельная возня.
Сначала похороны проскочили.
Мартын, как сыч, не подошел к могиле.
Чуть позже Николая привозили,
Екатеринодарская родня.

Самой-то бабке скоро шестьдесят,
Но родственников ловко разводила:
Одну купать, другие на могилу,

А третьему тоска, как в спину вилы,
Его не троньте. Полон сад досад.

Марии Стружкиной уж месяц был.
К вдове заехал вечером Черевин,
Ушли во флигель, самовар нагрели...
А впереди пасхальные апрели,
Наказ исполнил вточь, как в память вбил.

Сквозь эти суетливые дела
Никто не глянул в метрику ни разу —
Год девяносто был шестой указан
Заместо пятого – дьяк, пьянь, зараза.
Маруся год жила, как не жила.

18. (Генерал-адъютант)

Без адъютанта жить не может Царь.
И после смерти по уставам строгим
Был рядом и в покое, и в дороге,
И вот, порядком, через год с немногим
И генерал Петро почувал старь.

Его любили все, он был родной.
Охрана – то же платье и поклажа.
Хворая, чувствовал добро и даже

Визитом он Царицы был уважен,
Но мучился он мыслию одной,

Что тайну забирает он во мглу
О царской отпрыске. Как ей без глаза?
Хоть и исполнил, вроде, все наказы,
Бывает, что в судьбе не хватит раза,
Подмоги чьей-то не сломать иглу.

И передали новому Царю,
Что бывший генерал охраны трона
В тяжелом настроенье похоронном
Желал бы с уважением короны
Открыться тайною души в миру.

Был Николай вполне не удивлен.
Он знал Черевина еще ребенком,
Его басам он вторил смехом звонким,
И на воде устраивали гонки...
И поспешил принять его поклон.

Пришел, присел, и вскакивать не дал
Он старику, прикованному к ложу,
И выслушал внимательно, и что же?
Узнал! Да то, что и попу негоже
Знать, но волненья вида не подал.

«Отца судить – неправильный резон.
И прав солдат, что мне доверил тайну.
Приглядывать за девочкой я стану.
Как вышивается по жизни странно...»
И в лоб поцеловал, держа фасон.

Отпели-то наперстника в полку,
А в Серафимах попросились с прахом,
И как просил, за голенище махом,
На встречу с упокоенным монархом,
Вложили тихо фляжку коньяку.

19. (Штырь)

Решился старый Петр довышивать
Рисунок, вдетый Александром в пальца.
Боролись в нем «хочу» и «рад стараться»,
Но не крестом же молча прикрываться!
Тишь тишью, но извольте, гладь, так гладь.

А презанятный выходил узор:
Мать схоронили, и с нее нет спроса;
Седьмой десяток бабке, ладно, сносно:
Мартын – одно названье с сизым носом.
Коммерцию забросил, впал в разор.

«Аптеки» и Борисово – в заклад!
Но пыжился, да с прежнею сноровкой,
В два года путь прошел без подготовки...
От «Яра» с песней прямо до «Хитровки».
И был не то, чтоб горд, но глупо рад.

В тумане, будто в бане, огоньки —
Зазывно тлеют чугуны с тушенкой,
Чадят махоркой чьи-то в прошлом женки
В кормильцев чьих-то. Облака лишенных,
И в Центре, все близ Яузы реки.

На местном языке – Трактир «Сибирь» —
Мартынова любимейшая яма.
В наплывах полутемного бедлама
Ему была приятна вся программа,
И он уже свыкался с кличкой «Штырь».

Держал «общак», судил при дележе,
Ведь не пропьешь купеческую сметку,
Фортило в карты, кушал не объедки,
И вспоминал таганский дом он редко...
А Маше – три с копейками уже.

Ивановна не верила слезам.

Сын проклят, а самой достало хватки.
Читала с внучкой вслух она загадки,
Когда вечер городской Лохматкин
Про сына бабе Лиде рассказал.

Зарезан был в Столешниках с утра.
В вонючем сюртуке, в следах пирушки
Визитку отыскали – не игрушки:
«Гильдстаршина, Мартын Миронов Стружкин,
Купец, «Аптеки» постовщик двора».

20. (Наследство)

Что ж нам оставил горе-фармацевт?
Одни долги и толпы кредиторов.
Дегуниным покрыли с недобором.
Таганский дом остался – без простора,
Но можно жить. Такой, вот, всем рецепт.

Борисову с конюшнями давно,
В закладе бывшим, отмахнули ручкой.
Бабуля с четырех-то летней внучкой
Сбирали губки дудкой, деньги кучкой,
И ждали, потому, просить грешно.

Но как же там, в Ореховом, родня,

Мартына тетки, добрые к обеду?
Полина умерла почти, что следом,
От жара вдруг, и был недуг неведом,
А Дуня жизнь решила поменять.

Обузою девичество сочтя,
Да на седьмом критическом десятке
Скакнула замуж, видимо, за взятку —
Мальчишки на старух богатых падки...
И Лиду видеть в гости не хотят.

Вы спросите, а где же царский приз?
Ведь бирюзой можно было, смело
Манипулируя, поправить дело.
Служанка Катька: с петухом пропела,
И унесла кокошник – весь сюрприз.

А Николаше просто и сказать
Забыли – есть, мол, и сестра малая.
В торгашестве с казачеством пылая,
Мальчишка рос. Нет спроса с Николая.
Я о другом хочу здесь написать.

О том, что в суете рубежных лет
Страна все больше делалась богата.
И в том Маруся – факт – не виновата,

Заслуга есть ее другого брата,
Другого Николая. Жив секрет!

И к Стружкиным явился человек.
Принес шкатулку бронзы в каплях лавы.
В ней пенсион с печатью, не без славы.
Он помнил мазь, не критикуя нравы...
И сразу наступил двадцатый век.

Часть третья «МАРИЯ»

21. (Не по дням...)

На сказках о попе и о Балде
За шесть переросла уже Мария
И радости сама себе дарила,
Не мямлила в дому и не шустрила,
Была полезна в бытовом труде.

Семье пришелся кстати пенсион,
Вздыхнула бабка Стружкина от бдений,
Не вдумываясь ни в природу денег,
Ни в вечность их. Лишь строго ежедневно
Вела им счет и тратам всем резон.

А мы о сказках: коли был Салтан,
То и Гвидон не затянул явиться —
Мария по стопам той небылицы
Росла и телом, и, чему дивиться,
Умом, который не принцессин дан.

И различала цвет она и тень,
Добро и зло, где много, и где мало...
И в бочке пресловутой тесно стало.

Вслед за шестью, чтоб не тянуть мочало,
Переросла, естественно, за семь.

И чисел знала, минимум как, сто,
И «Отче наш», и уж алфáвит споро,
И во дворе не занималась вздором.
Соседи и знакомые без спора,
И Лидия Иванна знали, что

Пора бы ей в гимназию. Но как?
С семи годов! И это очень строго.
Никто и даже бабушка, ей Богу,
Не знал, что так серьезно и надолго
Нагадит со своей опиской дьяк.

В бумаге цифра – прямо, как клеймо!
И не докажешь, что ребенок хваткий,
И что давно пора жевать тетрадки.
Когда не помогли уж даже взятки,
От Императора пришло письмо.

Директорские грубые уста
Письмом свело, как смоляной породой.
Приказ был исключительного рода,
И осенью, как раз, второго года
В гимназию она была взята.

«МАРИЯ СТРУЖКИНА». Фото 1913 г.

22. (Шишка)

Была способна Маня к языкам:
Французский и английский, и немецкий
Штудировала въедливо, не детски,
Древне-церковный относила к мерзким,
Но скрыть умела все от классных дам.

И не вела она особых дружб.
И дети, ей подобные, не редки.
Домашний круг, уроки и отметки.
Последние весьма в журнальной сетке
Сулили в сумме, скромный пусть, но куш.

Вот-таки в пятом, например, году
В гимназии вдруг стали суетиться.
(Она имела патронаж царицы.)
Сам едет!!! Смысл имеет подучиться
И оказаться в видимом ряду.

Директор не дурак был, «миль пардон»,
Врата открылись перед Николаем.
Пес ни один по-русски не залаял,
Портрет был в срок, и дворник – «дело знаем» —

Алису утром «вздернул» на фронтон.

Довольный Император весь в усах,
(Царица на портрет была похожа),
Шел по рядам к отличницам, и что же:
У края лба, лоснясь под белой кожей,
О ней уж он не помнил, но – краса —

Сиял его японский «сувенир»,
Неизведенная и мазью шишка.
И будь среди встречающих мальчишки,
И страхом не сдержало бы интрижки,
Но дисциплина – девочек кумир.

Помазанник при полной тишине
Хрустел начищенными сапогами;
Ни шевелька, ни носом, ни руками,
Отроковицы про себя икали,
И лишку подышать вело б к вине.

Лишь Машенька, наивная душа,
Увидев шишку, охнула, как дома,
И будто бы с Царем давно знакома
Кивнула головой. Не надо грома —
Директор сполз «в ударе» не спеша.

23. (Шаяпин)

Был март, во всю теплело, и хотя
Опять мятежники пытались лаять,
Весна была от края и до края,
И злой курьез с визитом Николая
Не отразился на судьбе дитя.

Он сам смеялся, в кабинет придя,
И воскресив директора подарком,
«А звать как?» «Стружжина Мария», – каркнул.
«Остепенится, не беда, до брака».
И, как приказ, слова глаза едят.

«Как отчество ее-то, бишь, скажи?»
«Мартыновна! Кем был, не помню точно...»
«Я знал его, он помогал нам очень.
Спасибо за портрет, похож и сочен.
В театр детей сводите для души».

И вот, они уже идут в Большой.
И старших, и прилежных это право.
Не всяко воскресение кроваво.
Мария среди них, скромна, как пава,
Но ей и так, похоже, хорошо.

«Севильского цирюльника» дают.
И в роли Дона Бартоло – Шаляпин.
Выходит: из кулисы кончик шляпы,
Потом ботинок, после нос этапом.
А Фигаро тебе – и там, и тут.

Как матери, от оперы начать
Ей довелось общение с искусством.
И полно в сердце, и в желудке пусто.
А голоса – по залу и до люстры,
Сольются в жгут и ну ее качать.

Про Федора Иваныча не раз
Маруся перескажет, даже внуку.
И этим вложит первую науку
Актерской школы. Явь, а тоже в руку,
Нутро затронул «клеветою» бас.

Потом она взялась за Бомарше,
И бабушку ответить не просила
На сложности. Сюжетом заразило:
«А вот бы, умудриться, как Розина!» —
Засело в недоласканной душе.

24. (Черногорец)

Легенда европейская одна

Гласит: пойдя, спроси у черногорца —

А велика ль страна его? Взовьется,

С Балкан, мол, и до самого японца,

Все это — Черногория страна!

А штука в том, что если русский — брат,

То братская земля — своя, как будто,

И вес в политике с Россией — брутто,

И вроде, не в обмотки уж обуты,

И каждый — князь... своих овечьих стад.

Был у Царя Ивана с детства друг,

Такой же сумасшедший «монтенегро».

Премьером стал после войны с разбегу.

В политике, как на балах — allegro

Командовал. Имел один недуг:

Ни юбки пропустить не допускал —

Кухарка ли, принцесса ли, певица,

Плененная турецкая ли птица,

Союзница ль из прочей заграницы.

Орел: увидит — камнем с черных скал.

И столько настрогал Премьер детей:

Купцов, солдат, князей и безработных —

Что поделился бы с Царем охотно.
А Царь и рад, супружница бесплодна.
Вон тот, Григорий, прочих пошустрей.

И Царь – Иван, и друг его – Иван.
Как братья. Твой сын – будет мой, без страха.
О женах – разговор второго маха.
Все по уму – а то войной запахло.
А Черногорец ведь – не басурман.

И вот, Григорий Вавич – лоск и статья.
Век в двадцать он открыл, горя здоровьем:
Два паспорта, размашистые брови,
По одному из них – наследник крови.
И напрямик в Одессу торговать...

И задержался там на десять лет,
Имел друзей в бандитах и в матросах,
И обрусел фактически без спроса,
С хазарскими чертами возле носа,
Но утвержден двором в Москву был след.

25. (Сговор)

Домами с Черногорией дружил
Еще отец покойный Николая.

И хорошо, безделица такая
Не затруднит. Балканы не в Китае,
Но европейский «перчик» для души.

Григория не звали ко двору,
Но Министерство Купли и Продажи
Дало понять, а после и покажет,
Что торговать согласно очень даже
И начало навязывать игру.

Герой же порешил давно уж так,
Что капитал, сколоченный на море
Позволит почивать на нем без горя,
Без Министерств, да и без Черногорий...
Еще б жениться, и «причал в цветах».

В Подгорицах не ждали, не к селу.
И Вавич отписал Высокой Силе
О просьбе, разрешить осесть в России.
Об этом многие теперь просили,
Война-то будет, ясно и ослу.

В двенадцатом – Григорий помнил год —
Он родину обрел теперь вторую.
Плюс к разрешенью, сложности минуя,
Царь намекал, супругу взять такую,

Чтобы ему известен был бы род.

Марии уж семнадцать! Не стара ль?
По метрике шестнадцать – молодится!
И вот, в «Гимназию Императрицы»
На выпуск – гости. Хоть и не столица,
А первый город. Первый рынок краль.

С Григорием был Камергер двора.
Потом под ручку с милой классной дамой
Прошелся для обзора панорамы,
С директором рукопожался странно,
И весь довольный отбыл в номера.

С утра он был у Стружкиных в дому,
И Лидия Ивановна пыхла,
Передвигая по квартире тело,
И самоваром ослепить хотела...
И сговор состоялся по всему.

26. (Жена)

И как понять, как надо быть женой,
Когда не довелось побыть и дочкой?
Лишь внучкой, вот, какая заморочка.
Жена же – это не итог, не точка —

Шаг на стезе высокой и земной.

Отдавшись интуиции добра,
Маруся после очень скромной свадьбы
Не стала ждать в подарок ни усадьбы,
Ни пароходов. В пору поорать бы,
Но есть ли смысл, коль в жизнь идти пора.

Да, Вавич был не беден и не глуп,
Не скуп, не груб, не болен и не скучен.
Гордец, авантюрист – нет крови круче
Балканской. И интригами научен,
И в Министерство влез в одну из групп,

Не как партнер уже, но как эксперт
В сети поставок меж союзных армий
Война уже маячила крылами.
Тут бабушка слегла. Между делами
Похоронили. С прошлым связи нет.

Но их таганский дом не опустел,
Жить в нем решили, нынче не меняться.
Григорий умножал свое богатство
На будущее. Вот бы, расквитаться
С контрактами, и поменять предел!

Мечтать умел, в глазах видна весна!
Супруг обязан чистым быть и сытым,
И выспанным, и галстуком увитым,
И в доме чтоб: не место паразитам,
И светом мягкий, и теплом сполна.

Вот, тут, как раз, и началась война,
И закружилась кутерьма понятий —
Монархий, тираний и демократий.
Путь Вавичей лежал в Архангельск, кстати,
Град-порт – не ссылка, но почти хана.

Но нашей Мане должное отдать:
Семью блюла без лишних разговоров —
Не в армию же и не в Черны Горы,
Поэтому не хлопоты и сборы.
По будущему надо ли страдать?

27. (Политинформация)

Все можно было круто изменить
И в немцев не стрелять. Но все ж стреляют,
И англичане! Эти точно знают,
В кого стрелять. И даже попадают...
Но русский первый должен в драке быть!

Штабы фигурами передвигать,
Менять министров, как и полководцев,
Там подрезать, где тонко и где рвется,
Короче, плыть туда, куда гребется,
И «гришкин бред» на деле воплощать.

А тут Февраль, керенских легион,
Свободы, комитеты, комиссары,
Рулонами валюта на базары,
Протуберанцы, бури и квазары,
И следом – plombированный вагон.

По-разному оценивают год:
Семнадцатый был революционен,
Вооруженным бунтом в рациионе
Всеобщем. Не чума ль оно в короне?
А на вагоне значилось «ремонт».

Простая человеческая месть —
Красивее название «вендетта» —
Одетая в партийные билеты,
За брата брат! И не святое это!
Народу мстят, коль под ногами есть.

Вот! Александр и не подозревал,
Ульянова повесив справедливо,

Что выйдет все не только детям криво,
Но и Державе. Красные приливы
Утопят все, что он насоздавал.

Так что вокруг историк отмечал?
Всего каких-то три-четыре года,
И нету уже четверти народа,
«В расходе» венценосная порода,
Цвет, гордость, вера, смысл и идеал.

Страна на четвереньках! Где рубеж?
Расстреляна и изгнана элита.
Бежать, пока в границах все размыто,
Своим не стыд, а пуще прозелитам.
Но нет же, все еще полны надежд.

28. (Не тот)

Поэма наша – не «Война и мир»,
Баталий нет и говора Парижа.
Герои – мы в ней, и враги – они же.
Она «Онегину» скорее ближе —
И густ, и солон творческий наш пир.

А главное, что сам переворот,
Благодаря которому Россия

Другой природой явится, от силы,
Был лишь порыв, но надо ж, просквозило
Страну насквозь в тот незабвенный год.

Как с «Рождеством Христовым», бытие
Вдруг станет – «до» и «после революций»,
И связи временные вдруг порвутся,
Но люди, выжив, и не оглянутся,
Со страху присягнув галиматье.

Но и закон себя переменял,
И вся потребность в правильном законе,
И будет их конвейер непреклонен,
Пока любой «не тот» не похоронен.
А кто ж «не тот»? Любой, кто вдруг не мил.

Не знал Григорий, что, когда пошел
Работать с новой властью в то же место,
Он с ней соприкоснулся слишком тесно,
А власть, известно, вовсе не невеста,
И ей, где тесно, там нехорошо.

В нем все не подходило: взгляд и рост,
Национальность, возраст, нос, манеры,
И к Богу отношенья в пользу веры,
И в поведении ума примеры,

И прежний пост. Увы: не мил – «не тот».

Что радостно, что он был не один.
Нет, нет, мы не о голливудском брате.
О том, что в силу разных бюрократий,
Пока пришел черед его «потратить»,
Аж двадцать лет «кухаркин род» чудил.

И что ж Мария, светлый гражданин
Страны недоданных в пылу советов?
Она боялась правильных ответов,
Вопросов, неожиданных приветов,
И жизнь жила, как долгий день один.

29. (Кто чего не знал)

В любом музее есть прехитрый зал
Для пестрых экспозиций эпилогом:
Не без царя, с героем и под Богом,
От двери скрупулезно до порога —
Там собрано всё, кто чего не знал.

Не знал Царь-Миротворец, Царь-атлет,
Царь Александр, что он уйдет так рано,
Как тот пастух, что не довел баранов,
И, да простят бараны, без охраны

Оставит родину на много лет.

Не знал и верноподданный Мартын,
Что вычеркнут окажется из списков
Всех гильдий. Только в пыльных книгах сыска
Задержится, как Штырь – любитель риска...
И никакой отец, и скверный сын.

Не знал и генерал наш адъютант,
Черевин Петр, советник гениальный,
Что зря старались, жизнь тряхнет глобально,
И будет не до родственников дальних
Царю. А он ведь был один гарант.

Не знал и Ники бедный, что одну
Из всех ушедших по расстрельным спискам,
Благодаря ли отчествам не близким,
Или простым метрическим опискам,
Не тронут лишь Марусю в их роду.

Не знала и старушка, мать купца,
Вдова Мирона, Лидия Иванна,
Что правнучка ее повторит странно —
Хитро, эгоистично и упрямо —
Чуть не погубит сына до конца.

И Вавич тоже много не знал:
Что надо помнить, где родные кручи,
И отвечать за тех, кто был приручен...
Похоже, что у нас в Музее лучший
Теперь имеется финальный зал.

Одна лишь Анна знала все вперед:
Что завтра же, будь бел день или черен,
На мытарства ребенок обреченный,
Причем никто и не при чем. Учено!
Ведь женщина. А кто их разберет!

30. (Сохранность духа)

Но Александровна? Прошу простить,
Мартыновна, Мария – героиня —
Чего не знала? Больше половины!
Утратив трех родителей, в помине
Сумела сиротою не прослыть.

За мужем в ссылку посреди войны
Проездить умудрилась без болезни,
А, потеряв, была в дому полезней
Всех слесарей, и если что угнездит,
То намертво. Не верить вы вольны.

Уже поздней, живя в дурной стране,
По внутреннему пониманью строя,
Конечно, вспоминалось ей, порою:
Шаляпин, шишка и подруги роем,
Но «под табак» и в полной тишине.

Пройдет Таганкой, дольше помолчит,
На постового косо обернется —
Блестит кокарда, в ней играет солнце —
Лохматкин? Вряд ли. Нет, не отзовется...
И не зовет, и даже не молчит.

Но вот ведь, сохранился русский дух,
И рядом с нею точно Русью пахло.
Не созидатель, но не растеряха,
Не попадала на моменты краха
И дождалась... восьмидесяти двух.

А пестрый исторический свой срез
Интуитивно тонко, как науку,
Лимоном в рис к бульону, не на скуку
Передала внимательному внуку.
Он по уши в него позднее влез.

Мария и не знала, что отец
Ребенка родом был, как раз, из Ялты,

Где рядом Александровы палаты,
Где умер он безвременно когда-то —
Ливадии Божественный Дворец.

И уж сюрприз, что мальчик-книгоман
Сыграет Ники, вточь, как на портрете,
Покуролесит-побузит на свете,
И из Борисова супругу встретит...
И в стихотворный сложит все роман.
31.8.02.

Ялта – Ливадия – Ялта – Москва

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ СУДЕБ

Конец XIX – начало XX века. Время перелома в истории Европы, время тяжелейших испытаний для России и русского народа, время переплетения судеб и столкновения каждой семьи в отдельности с Историей в море бытия, как тысяч маленьких «Титаников» с одним никого не щадящим айсбергом.

Записки, оставшиеся от Марии Александровны-Мартыновны и её устные рассказы-воспоминания, на которых основывается роман, не доказывают подлинности родства девочки, воспитанной в традиционной купеческой среде, с двухсотлетней династией Дома Романовых. Но они определённо являются свидетельством времени, памятью о незаурядных действующих лицах, подтверждением сложности эпохи и поводом к столь нестандартному изложению.

А правду о земных отношениях, о родственных и духовных связях, и о чистоте или греховности внезапной любви знали и знают лишь Анна, Александр и Бог!

*И. Борисова,
консультант-литературовед*

2. «ИЗ КНЯЗИ, ДА ПОД БОЖЬИ ГЛАЗИ»

ПОЭЗИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

*Патриции прекрасны, словно Боги,
Честь Кесарей кровь переходит вброд,
Зазывны Королевские чертоги,
Цари милы, ...но вечен лишь народ.*

ЖИТЬ, ЛЕТАТЬ И БЫТЬ ЦАРЁМ

«Унижен. Втоптан в грязь. Творцу проклятье!
Как мусор, на тропе среди камней
Лежу, как будто нет других занятий.
Царь среди птиц, орёл среди царей.

Но я – не я, коль бросив все усилия,
На этом успокоюсь рубеже,
И умывая в луже крови крылья,
Дам вольную измученной душе.

И нужно-то чуть-чуть, не до каприза —
Всего лишь метров пятьдесят ползком.
Преодолеть, схватить остаток жизни,
И снова в небо. Небо – это дом».

И полз орёл, простреленную лапу
По тропке каменистой волоча,
Назло тому, кто выстрелил внезапно.
По—царски презирал он палача.

И мысль одну сознание рядило,

Боль побеждая резкую с трудом:
«Уж если эта пуля не убила,
То надо жить, летать и быть царём.

Быть там, откуда жалкая планета
Красива, но беспомощно мала.
Не нужно скипетра. Любви! Рассвета!»
Вместо всего есть небо у орла.

Свобода титанических размеров...
Не сможет без неё, кто в ней рождён.
И на земле, что нет ему удела,
Чем смерть, другого, тоже понял он.

И кровью каждый след омыт невинной.
В ушах вороний непрерывный гам.
Но стал ещё короче этот длинный
Путь, возвращающий Царя орлам.

Должно хватить, должно хватить терпенья.
Победа в полуметре! Ближе, сир...
Он оглянулся. Позади сомненья.
«Прощай, земля, прогнивший лживый мир!»

Оборвалась тропинка у обрыва.
Всем телом устремился он вперёд.

И вновь летит, и снова он счастливый.
Боль зачеркнул целительный полёт.

Да, да, летит, летит, свободен снова,
И свежий ветер ввысь его зовёт.
Он не услышал выстрела второго,
Которым и убит был метко влёт.
06.07.78.

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ПОЛ СОЛОМОНА

В золоте явь плясала,
Поступь молва лизала,
В жадном пространстве зала
Речи связало.

Будто водою полно,
Скалит зеркальном полом
Царского зренья поле —
Прочь тайны пола.

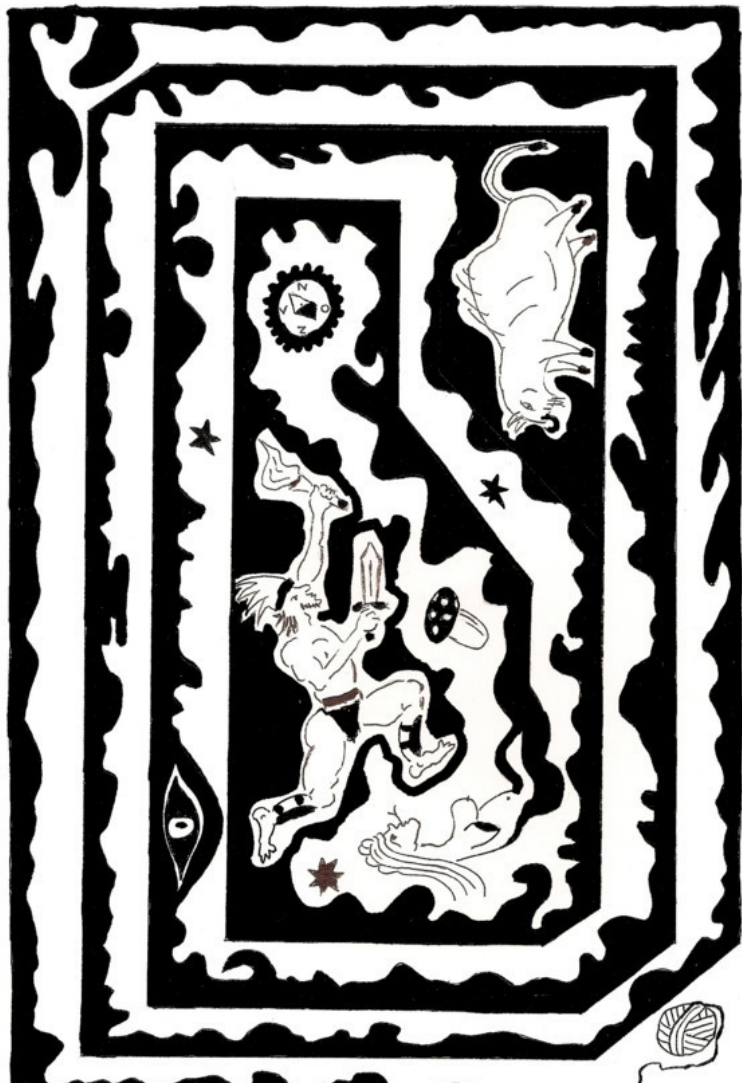
Много ли разрешая,
Им этикет мешает?
Замерли в позах шахмат
Злости от шарма.

С пряностями за взятки
Сравнивая загадки,

Воспоминанья гладки

Будут и сладки.

3.05.01.

ТЕЗЕЙ

С туманом дефицит в чужих столицах,
И ясен лабиринт, и жребий – друг.
До тошноты лишь масляные лица,
Грибам подобно, лезли в ближний круг.

И жертвоприношеньё – святотатство,
И псевдоодалиски – не вои,
И потных рук он не хотел касаться,
И из карманов вынимать свои.

Жаль слепнут раньше времени Миносы
И острова теряют сгоряча,
И в блеске факелов под самым носом
Им минотавр наследует, мыча.

И ясен лабиринт в следах традиций,
И нитку тратить жалко на версту,
И балагуры могут отшутиться,
И навигаторы застрячь в порту.

Но всё запуталось довольно складно:
По картам лоций даже ветер тѣк.
Клубок – подарок глупой Ариадны —
Тезей себе на свитерок берѣг.

Он не носил доспехи у Миноса,
Шутил с Быком, туман рассеял в дым.
Бык ранен! Шут, останься! Боги просят!
Но шут был гордый. Шут был дворянин.
17.11.04.

ГЕРАКЛ

(Из цикла «Критерии»)

У нас Геракл завелся от обеда,
Из книги вылезает почудить,
От Эврисфея так и до Адмета —
Являет подвигов златую нить.

Немейский лев ему – на склонах кошка,
С Лернейской гидрой – церемоний нет,
Птицы Стимфала великану – мошки,
Лань Керинейскую – загнал в рассвет.

Кабан – убит, и скотный двор Авгия —
Очищен от навоза влагой рек,
И Критский бык, и кони, дорогие
Царю бистонов – всех укротит грек.

За поясом Царицы Ипполиты
Сегодня к амазонкам он пошёл,
А завтра за коровами! И врыты
Уже столпы, что тоже хорошо.

Пёс Цербер трёхголовый укрощен им,
И доблестный освобождён Тесей,
И яблоки добыл чудорождённый,
И победил Антея. Службе всей

Венцом было держанье свода неба
Во славу Зевса, грозного отца...
А нам его рассказы – вместо хлеба
И русского родного холодца.
20.07.14. о. Крит

ДЕДАЛ И ИКАР
(Из цикла «Критерии»)

Дедал знал: нет у неба брода!
Пусть выше всех взлетит Икар,
Но кара выбором свободы —
Страшнейшая из многих кар.

Он славы суетной добьётся,
На миг став равным небесам,
И не дотянется до солнца,
И солнцу пищей станет сам.

Дедал премного потрудился
И лабиринт нагородил,
Что минотавр переродился
Во славу брака двух светил.

Покинуть же головоломку
Ему и сыну целиком
Для мифа стало слишком громко
И для Миноса не тайком.

Дедал знал: нет у неба тропок,
И мест для передышки нет.
Икар был лёгок и не робок,
Но мотыльком летел на свет.

И – прочь советы! Море света!
Зачем куда!? Зачем домой!?
Раскинул крылья – стал планетой!
Дедал же – улицей хромой.
21.07.14. г. Ретимно, о. Крит

ЭГЕЙСКИЕ ВЕТРЫ. *Триптих*

ПЕРЕХОДЯЩИЙ ЗОЛОТОЙ ЛУК

Попутного ветра стреле откровений!
Ушных перепонок коснётся в полёте.
И пенье лихое её оперенья
Роднее оркестра разбуженной плоти.
И рук не поранишь о Лук Аполлона,
И каждая Муза на нём расписалась,
И меткости – гордость прилипчивым фоном.
А цели, ожив, тетиву бы кусали.

Прицелиться – выбор, а выстрел – решение,
Под смех или слёзы – забавы вершина.
И даже пикантной – в изнанку мишени,
Огонь на хвосте – поцелуй петушиный.
Однажды уже перейдя к Одиссею,
Сей Лук воевал, восстанавливал память.
Его полюбить, он и бредни рассеет,
И хамелеонов разгонит клопами.
Колчан офицера прибавим к оружию.
Там стрелы остались, всё верно и просто.
О, звонкий и точный! Лук вечен и нужен,
Пустить эпиграммы свободно и остро.
Стреле откровений попутного ветра!
Хотят Робин-Гуды турниров и споров.
Так пусть же подвозят и буки, и кедры!
Мы все их – на стрелы, и стрел будут горы!

НОМОС (собственный мир)

*«Берега, что мне обещаны,
Исчезают за туманами».*

Н. Гумилёв

И Троя далеко, и идол нем.
На достижение цели равноправие.
Везение прощает, но не всем,
Как ясно, что не каждый чих во здравие.
Понадобится убивать – убью,
Помочь – так помогу и не задумаюсь.
Спасение в любви? Так я люблю!
Зачем же, право, волновать звезду мою?
Туникою на ветре поиграть
Тебе пора. Укрощены чудовища.
И поцелуй, как яблоко, сорвать,
Вкусить, да и потребовать ещё, ещё.
Наш Нбмос – достижение легенд!
Предательство простить? Так это, Господи!..
У поражений все черты побед
В любом, увы, неповторимом возрасте.
Обходит стороной меня беда,
Я не герой, и в этом нам везение.
Предать понадобится – я предаю.
Предназначение – моё спасение.

В попутный ветер клясться – пить эфир.
Птиц пропущу, как брызги моря, мимо я.
Наш Нбмос – это собственный наш мир,
Понятие на Трои неделимое.
Оскал вперёд смотрящей головы
Пугает встречных близостью прощания.
Понадобится воскресить – увы...
Нам лоция заменит завещания.
К гекзаметру спиной сумеем встать.
Не прячься, цвет туник ярче вырази!
И идол, глядя вслед, не смел махать.
И по лицу струились капли сырости.

НЕСРАВНЕННОЕ

Сияньем звёзд отмечена строка
И оперением богаче стала.
Покину скоро облик старика
И седина совьётся в цепь металла.
Летит строка сквозь кольца топоров.
Всё позади, и Сциллы, и Харибды.
Я в жители готовлюсь тех миров,
Что выше и Тартара, и Аида.
Не надо сравнивать ни жизнь и смерть,
Ни песнь и плач, ни даже вдох и выдох.
И на людей, как на Богов, смотреть
Нельзя! Ослепнешь зрячим с умным видом.
Не надо сравнивать и с жизнью жизнь,
И с песней песнь, и даже вдох со вдохом.

Людей рядить промежду воздержись,
Прозреешь в слепоте, от истин охнув.
Шагами меря остров поперёк,
Летая вдоль, окружность голосую.
И степень соли слёз проверить смог,
И от неё отсеять соль морскую.
Не надо сравнивать и с жизнью плач,
Богов и песни, выдох и со смертью,
И вдохом человека не означь.
Всевиденье убьют всезнанья клетки.
Да, сравнивать нельзя ни плач и вдох.
Ни выдох с человеком, ни на песню
Жизнь не походит, да и смерть – не Бог.
Циклопом у костра в ночи не грейся.
Виденья, отсветы ты примешь за гостей,
И перебрав наощупь всех баранов,
Потребуешь наряд под цвет костей.
В Гомеры – поздно, а в Орфеи – рано.

2.09.01.

ОДИССЕЯ

Какая бы ни близилась премьера,
Иль мера жизни б стала полумерой,
Моей ход мысли мной освобождён
От Маркса с Кантом, но не от Гомера,
Что проливается, порой, дождём,
Иль вылезает вдруг из-за кулисы,
Иль в костюмерной туникою вислой
Вдруг пальцем мне грозит, как неслепой:
«Страшись Судьбы!», «Пройди тропой Улисса!»,
«Ну, победи в борьбе с самим собой!»

В молодые дни, когда морская пена,
Но не прописанная, как ни странно, сцена,
К себе манила пуще озорства,
Уже являлась на пути Елена
С умом в глазах и патокой в устах.
И лихорадило и колотило,
И от ворот бараном воротило,
И вёсел треск ушёл в копейный лом,
И Пенелопа всё давно простила —
И так Итаки Царь не впал в полон.

Мы – э-ге-гей! – Эгею переплыли,
И ближе локтя стены Трои были.

Но Нестор вдруг женился на другой,
Ахилла пляс в Раю и в новой силе,
А был ли Менелай – тут в тексте сбой.
Конь, фаршированный тупым десантом,
Перед Приамом показавшись франтом,
Был скормлен илионцам под вино.
Я ж оседлал строптивые пассаты,
Обрёл заветный лук, и всё вольно!

Побег Елены и её Париса,
Чей юный тополь выше кипариса,
Из летописи греческих побед
В былины дотатарских русских высей
Не удивили мудрецов и свет.
Как раз тогда и раскрутились гайки,
И не по Гегелю писались байки,
И острова мозаикою дней
Срывались, будто гончие собаки,
Для встречи выживших в боях людей.

На задниках описанных страданий,
Где целых, где местами даже драных,
Не скверы, но пучины в бурунах,
Не карусели у массивов зданий...
И парки – те, что судьбы рвали в прах.
И зрителей пейзажи не смешили,
И падуги сменяться не спешили,
Свет выставляли зевсовы пять жён.
Не мы сюжету главному служили,

Но он терпел нас – нем и поражён.

Легенды – наши верные холопы.
Мой к Пенелопе путь от Пенелопы —
Через прекрасное и злой кошмар —
Себе под киль легко века ухлопал
Под крики гарпий и хмельной угар.
Сирены, в сладкой пене возникая,
Навязчиво наш воск в ушах лаская,
Томились. Нам простить их и забыть.
И даже любящая Навсикая
Рвалась не в счастье, но поработить.

И бой в дому – себе за время мщенье.
И возвращение, и превращенье
Из старца в мужа, из бомжа в себя —
Лишь отрезвление и подношенье
Одной лишь милой, что ждала, любя,
И претерпела, и перестрадала,
Сопротивлялась и не увядала,
И сохранила, и загнала вглубь.
И по-божественному – это мало,
А по-людски, поверьте – груда груд.

Но Одиссей ведь мог и не проснуться,
Родной Итаки снова не коснуться,
Не протрезветь, не приказать себе,
И в соль воды опять не окунуться,
Не возрази однажды он Судьбе,

Не вспомни, что пути желаний – к бедам,
Пути ошибок – к внутренним победам,
Незаурядность – не для суеты.
Где Альфа зрима – там вернее Бета,
И Гамма – там, где не горят мосты.

Сладка соль мысли и пороку встречна.
Елены – славны, Пенелопы – вечны!
Парисы – для названий городов.
Но Одиссеи наши – бесконечны,
Как род, предназначение и кров.
И как бы и когда меня ни злили,
Но стрелы лука пребывают в силе,
Когда я заправляю их в салат.
Кто ест, тот есть! И значит, мы и были!
И это – не Гомер, но Сопромат!
15.10.11.

АЛКИВИАД

Из пыли столетий он выметен ветром.
Он – Алкивиад, он – любимец толпы.
Не знаем деяний, не помним заветов,
Глаз, цвета волос, высоты, худобы.

Он так захотел, он был Алкивиадом —
Явлением природы, причудой страстей.
Собачьи хвосты разноцветной гирляндой

На бедрах его – привлекали людей.

То там пробежал и следов не оставит,
То тут наследил, хоть ему не с руки.
Коль брался, то всё у него получалось.
А нет его, бей кувшины в черепки.

С закатом исчезнет, вернётся с рассветом.
При нём – кавардак, без него – кутерьма.
При беге хвосты развивались по ветру,
Бросались в глаза и не шли из ума.

Преступен ли был? Удручён ли виною?
Не битый и сам не желающий бить —
Властителей он обходил стороною,
Они же его и не смели ловить.

Одеждой разбойника-комедианта
Храбрился он или же след заметал?
Он – Алкивиад! Он – ценнее таланта!
Он то, чем никто в этой жизни не стал.

Где он улыбнётся, там плач прекратится.
А в шторм окунётся, тишь сразу и гладь.
Он – песня прозрения маленькой птицы,
Которая тучи сумела прогнать.

Облаянный снова при каждом рассвете,
Запомнился всем он, как снегом зима,
Как вкусом вино, как свободою ветер,
Как вбитые в летопись строки письма.

Он – Алкивиад! Он – легенда! Он – сказка!
Украл – подарил, не смолчал – подсказал.
При жизни не пойман он и не доласкан,
А смерти, как выяснилось, и не знал.

Собачьи хвосты разноцветной гирляндой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.